

Аспект люциферический

И кто-то странный по дороге
К нам пристаёт и говорит
О жертвенном, о мертвом Боге.
Cor Ardens I

Введение во круг

Простым и неискусным ладом
Вечерних повестей начать –
О том, как были двое рядом
В одном, соблазн и благодать.

О том, что умноженьем скорби
Равно познание бытию,
Что верно сердце четкой орбе
Своей — стальному лезвею.

О том, что песен зеркалами
Все зеркала повторены,
Что стали дни — ночными снами,
И стали днями — ночи сны.

Что больше лик свой жизнь не прячет,
Как сон, как призрак промелькнув –
И улыбается, и плачет,
Очаровав и обманув.

О том, кто, дав дыханье мертвой,
Испепелил живую ткань –
Быть может, божескою жертвой,
Быть может, в дьявольскую дань.

Бред I-й

Не хочет быть свя зным,
Явственным миф мой,
Размеренно сказанным
Невольницей-рифмой.

Себе созвучный,
Нескладный, бесчинный,
Замучен, скрученный
Извилиной змеиной.

Язвит ужаленное –
Занозой, не стигмой –
Сверлит кандальное
Железо стих мой.

И этим — изломанным
Прикоснуться — ржавым,
Зазубренным, темным –
К светам, державам?

Ущерб, неуверенность –
В полном свершений?
Своя соразмерность
Всех искажений.

Соблазн II

Сны мои, мои ночи –
Темные, вещи.
Ярче видны, зорче
Твари и вещи.

Тот свет, тот зеркальный
Вечером, утром –
Славим, опечалены,
Печальным и мудрым.

Тот зов, тот нездешний
Из-за плена решетки –
Слышим, утешены,
Утешным, кротким.

Видим сердце, что сетью
Уловляет наше –
Виноградной ветвью,
Жертвенной чашей.

Тот Лик, тот восставший —
Он, как мы, особенный,
Прекрасный, отпавший,
«Во всем подобный».

Кем-то сказано —
Бежать чарованья
Великого соблазна —
Великого знанья.

Сон III

Сны мои, мои бреды,
Вещие, тайные —
Мнитесь, поведав
Бывшее — чайным.

Кто дал на руки
Слово — держать крепко?
Слово — огонь жаркий,
Пальцы — из воска слепки.

Слово мной обронено,
Землею спрятано.
Было огонь оно,
Стало клад оно.

Выну ль из-под спуда
Утаенное?
Что оно, что? чудо?
Солнца, ночи ли тайна?

Жертва? страдание?
Милость? истина?
Не те названия,
Всякое ненавистно.

С тех пор в напасти я
Ищу потерянное
Мое слово власти,
Мое верное.

Такт смежный

Сны мои, мои песни –
Тление, таянье –
Нет вас безвестней,
Нет отчаяннее.

Кто дал на руки
Книгу цветнолистую?
Страницы яркие
Излистываю.

Что буква встречная –
Искрасна вспыхнет,
В празелень отсвечена,
Изморозью стихнет.

Те буквы, которые
На глазах — в пламени.
Отведу взор я –
Сизая мгла на них.

Кто мне, беззащитной,
Сжал сердце страхом?
Книга, недочитанной,
Рассыпалась прахом.

С тех пор я тревожна,
Отыскивая –
Где книга брошена
Моя цветнолистая.

Контакт последний

Сны беспокойные,
Что пророчили?
Чьи в вас раздвоенные
Жала ли, они ли?

Кто дал на руки
Знаменные ризки –

Страшные подарки,
Лица своего списки?

Велел увериться
На снимках — кто, где он.
Но как измерится
Мгновеньем — эон?

Как на море к пристани
Льну я взглядом лепким —
И снимок выстанет
Выпуклым слепком.

Лгут искажения —
И то, и то, и это.
Вот он — тень от тени
И свет от света.

Из глаз ли, из уст ли
Жалость — жало выступит.
Нет жалости устали,
Жалу — иступи.

Мудростью ужаленных
Губящий незлобно,
Прекрасный, печальный,
«Во всем подобный».

Мне, как птице связанной,
Не уйти от Лика
Великого соблазна —
Любви великой.

Кто мне сказал, радуясь,
Безжалостный в жертве? —
«Это маска, снятая
С меня после смерти».

Видение вокруг

В далекой жизни, в жизни прежней
Клонился долу выгиб дуг.

Всё безответней, безнадежней.
Теснее замыкался круг.

Всё утомленней, всё покорней
Тянулся счет остылых дней.
И всё длиннее, всё повторней
Ложились полосы теней.

Всё ниже, круче скат пологий,
Всё реже да, всё ближе нет.
«И кто-то странный по дороге»,
И рядом тень, и рядом свет.

— Постой, дай вспомнить. — Чаши емкой
Нерасторжима синева.
И вздрогнет струнно в сердце чьем-то
Натянутая тетива.

Цветные осыпи камня,
Цветные буквы — те ли, те?
Того ли слова бьются звенья
В неизъяснимой немоте?

И сердца ропот — кто ты, страшен?
И струнный ливень — (помню, где?) —
— Сойди с креста. Не крест, но чаша.
Не меч, но мир. Не там, но здесь. —

Кто в отреченья строгой йоге
Твердит о мертвенности жертв,
«О жертвенном, о мертвом Боге»?
— О мертвом, слышишь? — Слышу. Мертв. —

— А наше: Господи, подай нам? —
— Прими от нас — прольется вздох. —
— А та, а солнечная тайна? —
— Ночная тайна, мертвый Бог. —

— А терн венца, распятыя гвозди,
А погребенья пелена? —
— То роз шипы, то кисти гроздий,
То светлорунная волна. —

И песнью песней, взрывом тверди
Созвездий хлынул встречный хор.
Грознее страсти, ближе смерти
Встал исступления восторг.

И вот — ни ужаса, ни боли,
Но всё поет и всё летит.
«И кто-то странный» знаки Воли
На сердце вынутом чертит.

Престолы святы, Власти строги,
Полна соблазна благодать.
Но только б, только на пороге
Не вспоминать, не тосковать —

«О жертвенном, о мертвом Боге».

Когда-то прежде

Навстречу солнцу: земля, земля свята.
Навстречу сердцу: легко благое иго.
И смерти: участь опавшего листа.
И жизни: вечность промчавшегося мига.

Навстречу «мимо» он осветился: пусть.
Дыханью «пусто» он улыбнулся: нива.
И отдал счастью — большого строя грусть,
И скорби — стих свой высокого прилива.

Он темных, пленных безмерно пожалел,
И ужаснулся грядущей нашей муке,
И цепь неволи он на свои надел —
Чтоб наши тронуть закованные руки.

Здесь, на земле он, на черной с нами он,
Печалью нашей, безумьем нашим болен,
И с нами бредит, и с нами усыплен,
И снами скован, и снами приневолен.

И пленным — нежный твердить не устает,
Что нет чертога украшенной темницы,

И темным — светлый поет, и льет, и льет
Дождем стеклянным созвучия Денницы.

И холод ночи нам — утренняя дрожь,
Тюрьмы решетки нам — неба перламутры.
И всё равно нам, где истина, где ложь —
Когда глядит Прекрасный, поет Премудрый.

И всё равно нам — узнать или забыть,
Что — крест распятия, и что — печать соблазна.
Нас больше нет. И нам не жаль не быть —
Нам пел Премудрый, на нас глядел Прекрасный.

24.I — 3.II.1918

Мечтание о Вячеславе Созвездном

Миф о нем

Да, это правда, я к вам прихожу — выпытывать, пытаться.
Гляжу, как ночь на день: взглянуть и — утонуть, на вас, как
на алмаз — неробкий тать: быть схвачену, но — взять.
Так я должна, должна вас разломать и посмотреть: что вза-
перти? и бережно поставить, и уйти.
И втишь, и вглубь — к себе — я ухожу, Судьбе покорней
и угодней. Но, уходя, я всё спрошу, и всё скажу — сегодня.

Скажите, как вы пишете стихи — те греческие фрески? «На
грифах, светлоризый Князь муз», в мистериях и плеске, в
мифах и блеске ожил?

А я пишу — как древняя Рахиль — «о детях плачет и уте-
шиться не может».

Зачем вы это сделали со мной?

Державному поэту моей обиды брошу белый зной. Я вас
зову к ответу: зачем вы это сделали со мной?

Я тихая и легкая была, я на волнах качаясь спала, я сонная
плыла — к могиле. Зачем вы разбудили меня? назвали имя
тайное мое? напомнили мне инобытие?

И я не та, не прежняя — простая и нежная — отпала от лас-